

Rudyard Kipling
RIKKI-TIKKI-TAVI

Редьярд Киплинг
РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Перевод с английского Корнея Чуковского
Художник Татьяна Неволина

Москва «Текст» 2020

RIKKI-TIKKI-TAVI

This is the story of the great war that Rikki-tikki-tavi fought single-handed, through the bath-rooms of the big bungalow in Segowlee cantonment. Darzee, the Tailorbird, helped him, and Chuchundra, the musk-rat, who never comes out into the middle of the floor, but always creeps round by the wall, gave him advice, but Rikki-tikki did the real fighting.

He was a mongoose, rather like a little cat in his fur and his tail, but quite like a weasel in his head and his habits. His eyes and the end of his restless nose were pink. He could scratch himself anywhere he pleased with any leg, front or back, that he chose to use. He could fluff up his tail till it looked like a bottle brush, and his war cry as he scuttled through the long grass was: "Rikk-tikk-tikki-tikki-tchk!"

РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Это рассказ о великой войне, которую вел в одиночку Рикки-Тикки-Тави в ванной большого дома в поселке Сигаули. Дарзи, птица-портной, помогала ему, и Чучундра, мускусная крыса — та, что никогда не выбежит на середину комнаты, а все крадется у самой стены, — давала ему советы. Но по-настоящему воевал он один.

Рикки-Тики-Тави был мангуст. И хвост, и мех были у него, как у маленькой кошки, а голова и все повадки — как у ласочки. Глаза у него были розовые, и кончик его беспокойного носа тоже был розовый. Рикки мог почесаться, где вздумается, все равно какой лапкой: передней ли, задней ли. И так умел он распушить свой хвост, что хвост делался похожим на круглую длинную щетку. И его боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк!

One day, a high summer flood washed him out of the burrow where he lived with his father and mother, and carried him, kicking and clucking, down a roadside ditch. He found a little wisp of grass floating there, and clung to it till he lost his senses. When he revived, he was lying in the hot sun on the middle of a garden path, very draggled indeed, and a small boy was saying, "Here's a dead mongoose. Let's have a funeral."

"No," said his mother, "let's take him in and dry him. Perhaps he isn't really dead."

They took him into the house, and a big man picked him up between his finger and thumb and said he was not dead but half choked. So they wrapped him in cotton wool, and warmed him over a little fire, and he opened his eyes and sneezed.

"Now," said the big man (he was an Englishman who had just moved into the bungalow), "don't frighten him, and we'll see what he'll do."

It is the hardest thing in the world to frighten a mongoose, because he is eaten up from nose to tail with curiosity. The motto of all the mongoose family is "Run and find out," and Rikki-tikki was a true mongoose. He looked at the cotton wool, decided that it was not good to eat, ran all round the table, sat up and put his fur in order, scratched himself, and jumped on the small boy's shoulder.

Он жил с отцом и матерью в узкой ложбине. Но однажды летом произошло наводнение, и вода понесла его вдоль придорожного рва. Он брыкался и барахтался, как мог. Наконец ему удалось ухватиться за плывущий пучок травы, и так он держался, пока не лишился сознания. Очнувшись он на горячем припеке в саду, посередине дорожки, истерзанный и грязный, а какой-то мальчик в это время сказал:

— Мертвый мангуст! Давай устроим похороны!

— Нет, — сказала мальчику мать, — возьмем-ка его и обсушим. Может быть, он еще живой.

Они внесли его в дом, и какой-то большой человек взял его двумя пальцами и сказал, что он вовсе не мертвый, а только захлебнулся в воде. Тогда его завернули в вату и стали обогревать у огня. Он открыл глаза и чихнул.

— А теперь, — сказал Большой Человек, — не пугайте его, и мы поглядим, что он станет делать.

Нет на свете ничего труднее, как испугать мангуста, потому что он от носа до хвоста весь горит любопытством. «Беги Разумнай и Разнюхай» — начертано на семейном гербе у мангустов, а Рикки-Тикки был чистокровный мангуст он всмотрелся в вату, сообразил, что она не годна для еды, обежал вокруг стола, сел на задние лапки, привел свою шерстку в порядок и вскочил мальчику на плечо.

“Don’t be frightened, Teddy,” said his father. “That’s his way of making friends.”

“Ouch! He’s tickling under my chin,” said Teddy.

Rikki-tikki looked down between the boy’s collar and neck, snuffed at his ear, and climbed down to the floor, where he sat rubbing his nose.

“Good gracious,” said Teddy’s mother, “and that’s a wild creature! I suppose he’s so tame because we’ve been kind to him.”

“All mongooses are like that,” said her husband. “If Teddy doesn’t pick him up by the tail, or try to put him in a cage, he’ll run in and out of the house all day long. Let’s give him something to eat.”

They gave him a little piece of raw meat. Rikki-tikki liked it immensely, and when it was finished he went out into the veranda and sat in the sunshine and fluffed up his fur to make it dry to the roots. Then he felt better.

“There are more things to find out about in this house,” he said to himself, “than all my family could find out in all their lives. I shall certainly stay and find out.”

— Не бойся, Тедди, — сказал Большой Человек. — Это он хочет с тобой подружиться.

— Ай, он щекочет мне шею! — вскрикнул Тедди.

Рикки-Тикки заглянул ему за воротник, понюхал ухо и, спустившись на пол, начал тереть себе нос.

— Вот чудеса! — сказала Теддина мать. — И это называется дикий зверек! Верно, он оттого такой ручной, что мы были добры к нему.

— Мангусты все такие, — сказал ее муж. — Если Тедди не станет поднимать его с пола за хвост и не вздумает сажать его в клетку, он поселится у нас и будет бегать по всему дому... Дадим ему чего-нибудь поесть.

Ему дали маленький кусочек сырого мяса. Мясо ему страшно понравилось. После завтрака он сейчас же побежал на веранду, присел на солнышке и распушил свою шерстку, чтобы высушить ее до самых корней. И тотчас же ему стало лучше.

“В этом доме есть немало такого, что я должен разведать как можно скорее. Моим родителям за всю свою жизнь не случилось разведать столько. Останусь тут и разведу все как есть”.

He spent all that day roaming over the house. He nearly drowned himself in the bath-tubs, put his nose into the ink on a writing table, and burned it on the end of the big man's cigar, for he climbed up in the big man's lap to see how writing was done. At nightfall he ran into Teddy's nursery to watch how kerosene lamps were lighted, and when Teddy went to bed Rikki-tikki climbed up too. But he was a restless companion, because he had to get up and attend to every noise all through the night, and find out what made it. Teddy's mother and father came in, the last thing, to look at their boy, and Rikki-tikki was awake on the pillow.

"I don't like that," said Teddy's mother. "He may bite the child."

"He'll do no such thing," said the father. "Teddy's safer with that little beast than if he had a bloodhound to watch him. If a snake came into the nursery now—"

But Teddy's mother wouldn't think of anything so awful. Early in the morning Rikki-tikki came to early breakfast in the veranda riding on Teddy's shoulder, and they gave him banana and some boiled egg. He sat on all their laps one after the other, because every well-brought-up mongoose always hopes to be a house mongoose some day and have rooms to run about in; and Rikki-tikki's mother (she used to live in the general's house at Segowlee) had carefully told Rikki what to do if ever he came across white men.

Then Rikki-tikki went out into the garden to see what was to be seen. It was a large garden, only half cultivated, with bushes, as big as summer-houses, of Marshal Niel roses, lime and orange trees, clumps of bamboos, and thickets of high grass. Rikki-tikki licked his lips.

Весь этот день он только и делал, что рыскал по всему дому. Он чуть не утонул в ванне, он сунулся носом в чернила и тотчас же после этого обжег себе нос о сигару, которую курил Большой Человек, потому что взобрался к Большому Человеку на колени посмотреть, как пишут пером на бумаге. Вечером он прибежал в Теддину спальню, чтобы проследить, как зажигаются керосиновые лампы. А когда Тедди улегся в постель, Рикки-Тикки прикорнул возле него, но оказался беспокойным соседом, потому что при всяком шорохе вскакивал и настораживался и бежал разуживать, в чем дело. Отец с матерью зашли перед сном проведать своего спящего сына и увидели, что Рикки-Тикки не спит, а сидит у него на подушке.

— Не нравится мне это, — сказала Теддина мать. — Что если он укусит ребенка?

— Не бойся, — сказал отец. — Эта зверюшка защитит его лучше всякой собаки. Если, например, вползет змея...

Но Теддина мать и думать не хотела о таких ужасах. К утреннему завтраку Рикки въехал на веранду верхом на Теддином плече. Ему дали банан и кусочек яйца. Он перебивал на коленях у всех, потому что хороший мангуст никогда не теряет надежды сделаться домашним мангустом. Каждый из них с детства мечтает о том, что он будет жить в человеческом доме и бегать из комнаты в комнату.

После завтрака Рикки-Тикки выбежал в сад — поглядеть, нет ли там чего замечательного. Сад был большой, лишь наполовину расчищенный. Розы росли в нем огромные — каждый куст, как беседка, — и бамбуковые рощи, и апельсиновые деревья, и лимонные, и густые заросли высокой травы. Рикки-Тикки даже облизнулся.